

НАСЛЕДОВАНИЕ «ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕЛА»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Коданева С.И.¹

Ключевые слова: наследственное право, аккаунт, учетная запись, пользовательское соглашение, персональные данные, пользовательский контент, социальные сети, цифровые сервисы, электронная почта, имущественные права.

Аннотация

Цель работы: определение правовой природы учетных записей и пользовательского контента в цифровых сервисах, установление возможности их наследования, а также определение прав родственников на доступ к аккаунту покойного.

Методы исследования: для достижения поставленных в работе целей были использованы общенаучные и специальные методы научного познания, а также методы логического анализа, анализа законодательства, научной и деловой литературы, сравнительного анализа, систематизации, обобщения, системного подхода.

Результаты исследования: проведенный анализ позволил сделать вывод о необходимости разграничения прав на учетные записи в цифровых сервисах и на пользовательский контент. В отношении учетной записи у пользователя возникают имущественные права, вытекающие из пользовательского соглашения. Имущественные права на аккаунты, позволяющие приобретать права на результаты интеллектуальной деятельности и имущество, предоставляющие цифровые права, а также используемые для коммерческой деятельности, не имеют непосредственной связи с личностью пользователя, поэтому могут быть переданы по наследству. Права на иные типы учетных записей неразрывно связаны с личностью пользователя, поэтому не могут передаваться по наследству. Вместе с тем родственники могут иметь законный нематериальный интерес в отношении пользовательского контента, что дает им право на доступ к такому контенту.

Научная новизна: на основании проведенного анализа автор предлагает собственную классификацию аккаунтов в зависимости от сервисов и пользовательского контента, доступ к которым предоставляет учетная запись. Указано также на необходимость внесения изменений в законодательство РФ.

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-27-36

Введение и постановка задачи

Стремительное развитие цифровых технологий и социальных сетей не только упрощает общение и самовыражение для отдельных людей, но и приводит к лавинообразному росту информации и распространяемых через Интернет данных, что связано с постоянным ростом числа пользователей. Так, в 2021 г. аккаунты на одной или нескольких платформах имело более 4,2 млрд человек [1, С. 419], что чуть больше половины населения всего Земного шара. При этом цифровые технологии позволяют создавать огромное количество пользовательской информации: посты и блоги в социальных сетях, переписка с друзьями в мессенджерах и по электронной почте, управление разнообразными сервисами при помощи своего аккаунта, включая покупки, управление финансами, управление устройствами «умного дома» и т. д.

Все это вместе взятое формирует «информационное тело» человека или его «цифрового двойника», получив доступ к которому, можно приобрести огромное количество экономически ценных данных, начиная от данных о счетах и онлайн-активах пользователя, которые можно продать или «вывести» в офлайн, переведя в денежную форму, и заканчивая различными персональными данными, сведениями о привычках и предпочтениях, которые можно обработать и затем коммерциализировать.

Кроме того, значительная часть цифрового контента не имеет непосредственной экономической или коммерческой ценности, однако она имеет эмоциональную ценность для пользователя, его родственников и друзей. Это разнообразные «воспоминания» (фотографии, заметки, обсуждения

¹ Коданева Светлана Игоревна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, ORCID: 0000-0002-8232-9533, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: kodanevas@gmail.com

интересующих пользователя тем с друзьями в социальных сетях и т. д.), а также результаты творческой самореализации пользователя (как правило, объекты авторского права – стихи, рассказы, эссе, фотографии, музыка, песни и т. д.).

При жизни пользователя вопросы о правах доступа к подобному контенту, как правило, не возникают, а если и возникают, то связаны они в основном с неправомерным нарушением охраняемых законом прав и интересов (например, мошенничество и кража финансовых средств и виртуального имущества, нарушение авторских прав и т. д.).

Однако после смерти пользователя ситуация резко осложняется, поднимая серьезные правовые вопросы о правовой природе как перечисленных данных и контента, так и самой учетной записи. Казалось бы, родственники, наследники, друзья в социальных сетях и другие заинтересованные лица должны быть заинтересованы в одном – сохранении доброй памяти о покойном. Однако на практике видение того, в чем это должно выражаться, а также того, кто должен получить доступ к цифровому контенту, созданному покойным при жизни, к его аккаунту, и должен ли вообще кто-то получать такой доступ, сильно различается.

Так, например, все больше случаев, когда люди пытаются «воскресить» своих любимых с помощью цифровых технологий: ботов и дипфейков². Например, сервис компании MyHeritage под названием DeepNostalgia позволяет пользователям анимировать фотографии покойных родственников и друзей и делиться ими на различных платформах. Сервис использует технологию, в которой к загруженным фотографиям применяется видеовоспроизведение, фиксированные последовательности движений и жестов, что позволяет людям на фотографии улыбаться и моргать. Более продвинутая технология – это чат-бот, созданный с использованием искусственного интеллекта и данных умершего, который может продолжать общаться в социальных сетях от имени покойного [2].

Но даже если не вдаваться в подобные крайности, интересы окружения умершего пользователя могут различаться, тем более что в цифровом мире родственники (прежде всего родители и дети) редко бывают «друзьями» и «контактами», они не имеют доступ к профилю друг друга, а значит, представление друзей по социальным сетям и ближайших родственников о том, чего бы хотел покойный и как лучше увековечить его память (например, будет лучше удалить аккаунт, сохранить его в неизменном виде или продолжать использовать, выкладывая новые, ранее неопубликованные произведения либо воспоминания друзей о нем), может быть различным. Кроме того, родственники могут быть заинтересо-

ваны в получении доступа к аккаунтам покойного, его переписке в социальных сетях, мессенджерах и по электронной почте как некоему аналогу писем и дневников прошлого.

Все это поднимает целый комплекс этических и правовых вопросов, касающихся уважения личности умершего, неприкосновенности его частной жизни и персональной информации, а также правомерности использования его «информационного тела» и «цифровых останков» (цифровых следов, оставшихся в Сети после смерти пользователя).

Наконец, доступ может быть необходим в случаях внезапной гибели человека для установления истинной причины смерти и других важных фактов о его образе жизни, настроении перед гибелью и т. п.

Однако реализация перечисленных выше и других возможных интересов близких покойного на практике сталкивается с юридическими препятствиями, что требует проведения детального анализа правовой природы «цифровых останков» – аккаунтов и контента на различных цифровых сервисах и платформах³.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ

Анализ российской и зарубежной нормативно-правовой базы и судебной практики

Применительно к задаче настоящего исследования следует обратиться прежде всего к статье 1112 Гражданского кодекса (ГК) РФ, согласно которой в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Таким образом, в соответствии с российским законодательством наследовать можно только имущество и имущественные права, которые не являются неразрывно связанными с личностью покойного. При этом правомочия наследников относительно нематериальных благ довольно ограничены и сводятся в основном к праву на защиту в суде чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ), праву требовать защиты частной жизни (ст. 152.2 ГК РФ), а также праву давать согласие на обработку персональных данных (ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных») и

² Дипфейк (англ. deep fake) – основанная на искусственном интеллекте методика синтеза изображения путём соединения и наложения существующих изображений и видеоматериалов. *Прим. ред.*

³ Поскольку некоторые компании создают не просто отдельные пользовательские приложения (почту, социальные сети и т. п.), но целые экосистемы (например, через аккаунт в Яндексе можно получить доступ к сервисам почты, заказа такси, быстрой доставки, музыки, фильмов и т. д.), то в настоящей статье применительно к отдельным приложениям и сайтам будет использоваться термин «цифровой сервис», а применительно к подобным экосистемам – «платформа».

на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ).

При этом, во-первых, реализовать права на защиту можно только в судебном порядке. Во-вторых, круг лиц, которые могут реализовать указанные права, определен законодателем по-разному. Так, согласие на обработку персональных данных дают наследники; выступать в защиту чести, достоинства и деловой репутации могут любые заинтересованные лица, а давать согласие на обнародование и использование фотографии и выступать в защиту частной жизни могут только дети, родители и переживший супруг.

Такое разнообразие подходов представляется необоснованным и не соответствующим складывающейся практике. Во-первых, непонятно, почему право давать согласие на обработку персональных данных предоставлено именно «наследникам», а не родственникам, особенно если учесть приведенную выше норму статьи 1112 ГК РФ, согласно которой к наследникам переходят только имущество и имущественные права, а нематериальные блага, в том числе связанные с использованием и защитой персональных данных, не могут быть переданы по наследству. Во-вторых, ограничение прав в отношении неприкосновенности частной жизни и использования изображений покойного только детьми, родителями и супругами представляется чрезмерным, поскольку не учитывает ситуацию отсутствия указанных родственников. Например, в судебной практике имел место случай, когда в защиту неприкосновенности частной жизни покойного с требованием удалить его фотографию выступил внук, являющийся единственным родственником. Однако ему было отказано именно потому, что его родство с покойным было признано недостаточно близким [3].

Наконец, ограниченность приведенного правового регулирования создает сложности в решении вопросов принадлежности прав на распоряжение «цифровыми останками», особенно в социальных сетях. Например, родственники могут быть заинтересованы в удалении из социальных сетей переписки покойного, поскольку считают, что она выставляет его в неприглядном свете и тем самым порочит его честь и достоинство. Могут ли они требовать этого? Или родители хотят получить доступ к аккаунту своего погибшего ребенка, чтобы понять, был ли это несчастный случай или суицид, спровоцированный общением в социальных сетях. Могут ли они в таком случае требовать предоставить им такой доступ?

Анализ приведенного выше законодательства показывает, что в рамках защиты нематериальных благ родственники могут только обращаться в суд с требованием удаления определенной информации. Что касается вопроса о доступе к аккаунту, то законодательство как РФ, так и других стран мира не дает прямого ответа. Судебная практика также пока крайне скудна и ограничивается несколькими, хотя

и довольно громкими делами в США и одним в Германии. Связаны все эти споры с тем, что цифровые сервисы (социальные сети и почтовые сервисы) отказываются предоставлять родственникам доступ к аккаунтам умерших пользователей, ссылаясь на пользовательские соглашения, содержащие прямой запрет на это, а также требования законодательства США о защите конфиденциальной информации и тайну переписки⁴.

Таким образом, очевидна коллизия между требованиями конфиденциальности, которые цифровые сервисы трактуют максимально широко, и правами наследников покойного на доступ к его «цифровым останкам».

Для разрешения данной коллизии необходимо проанализировать правовую природу аккаунтов и содержащегося в них контента. Иными словами, следует понять, являются ли «цифровые останки» имуществом, имущественными или неимущественными правами и иными нематериальными благами.

Как было отмечено, законодательство нигде в мире не дает прямого ответа на данный вопрос, хотя первые попытки правового регулирования цифрового наследования были предприняты в США еще в 2002 г. и касались учетных записей сервисов электронной почты. В 2005 г. в штате Коннектикут был принят первый закон, содержащий положения о праве наследников на доступ к аккаунту. Позже похожие законы были приняты и в других штатах, однако они использовали различные правовые подходы. Необходимость сглаживания различий в правовом регулировании в данной сфере обусловила принятие Единообразного закона о доступе к цифровым активам доверенного лица (RUFADAA), положения которого на сегодняшний день имплементированы в законодательство практически всех штатов. Закон содержит положения о доверительном управлении цифровыми активами пользователя по аналогии с нормами об управлении материальным, «физически осязаемым» имуществом, однако возможность доступа к электронной коммуникации зависит от наличия согласия самого пользователя, выраженного в завещании, доверенности или иным образом. Таким образом, законодатель США не признает «цифровое наследие» покойного в качестве имущества, а только создает определенный правовой режим управления в отношении такого наследия.

При этом и в доктрине, и в судебной практике США доступ к аккаунту рассматривается как договорное, а не имущественное обязательство, что, с учетом специфики стран с общей системой права, значительно снижает правовые гарантии и возможности для защиты прав пользователей. В частности,

⁴ Поскольку большинство наиболее популярных социальных сетей и почтовых сервисов зарегистрированы в США, они указывают в своих пользовательских соглашениях право этой страны в качестве применимого. При этом суд Калифорнии в деле по иску родственников Сахара Дафтари против Facebook распространил действие американского законодательства на иностранных граждан.

в этой правовой системе права и обязанности, вытекающие из договора, прекращаются со смертью стороны и не могут быть переданы по наследству. Поэтому в известных судебных спорах суды США отказывались предоставить доступ непосредственно к аккаунту пользователя, ограничившись только предписанием передать родственникам определенный контент (распечатку страницы с перечнем входящих и исходящих писем, распечатки всех входящих или всех исходящих писем и т. д.).

Так, в 2005 г. суд Калифорнии по иску семьи морского пехотинца Дж. Элсворта к компании Yahoo, отказавшейся предоставить им доступ к аккаунту погибшего, признал действия почтового сервиса соответствующими Закону США о конфиденциальности электронных коммуникаций 1986 г., однако предписал предоставить заявителям переписку из этого аккаунта. Сначала Yahoo предоставила на компакт-диске копии всех входящих писем, а после повторного обращения в суд родственников Дж. Элсворта – бумажную распечатку всех исходящих сообщений [2].

В 2011 г. в штате Вирджиния после самоубийства несовершеннолетнего, при выяснении причин, побудивших сына на совершение подобного действия, родители умершего ребенка не смогли добиться от Facebook доступа к аккаунту [4].

В 2012 г. суд Калифорнии по требованию М. Харриса к Twitter обязал социальную сеть раскрывать всю информацию, не связанную с контентом, и информацию о контенте старше 180 дней, указав, что информация о контенте, размещенном менее чем за 180 дней, может быть раскрыта только на основании ордера на обыск [2].

В Германии, относящейся к континентальной системе права, напротив, действует принцип универсального правопреемства в наследовании. Поэтому в знаменитом решении Верховного федерального суда Германии от 12.07.2018 г. по спору между родителями погибшей под поездом метро девочки и Facebook⁵ суд постановил, что в случае смерти владельца учетной записи социальной сети пользовательское соглашение по общему правилу в соответствии с § 1922 Германского гражданского уложения переходит к его наследникам [5]. В Италии суд Милана в 2021 г. вынес решение по иску родителей погибшего к компании Apple, отказавшейся предоставить им доступ к аккаунту их сына, и признал их право на доступ, поскольку это требовалось для восстановления и сохранения персональных данных погибшего, которые иначе были бы удалены после установленного периода бездействия аккаунта. Суд признал, что права родственников, связанные с личными данными умерших лиц, могут быть

реализованы по «достойным защиты семейным обязательствам» [6].

В российском законодательстве и судебной практике подобные вопросы никак не регламентируются и не анализируются, хотя сам по себе термин «учетная запись» используется в документах некоторых органов власти. Например, в Методических рекомендациях по использованию Единой системы идентификации и аутентификации и Письме ФНС России от 31.08.2020 № БВ-4-23/13939 «учетная запись» выполняет функцию учета, отслеживания юридически значимых действий субъектов при взаимодействии с органами публичной власти [7].

Анализ научной литературы

В научной литературе рассматриваемой проблематике также уделено достаточно мало внимания. Авторы имеющихся публикаций предлагают различные подходы к определению правовой природы аккаунтов (учетных записей) в цифровых сервисах. Так, некоторые авторы относят их к отдельному виду цифрового имущества или цифровым активам [8, 9, 10], к имущественным правам [11], определяют как договорные отношения [12], субъективное право пользователя на доступ к техническому функционалу информационной сети (право требования) [13], право пользования [7], объект интеллектуальной собственности или базу данных [14, 15, 16], либо вообще не относят к объектам гражданских прав, сводя соответствующие правоотношения к регулированию технических услуг по доступу в Интернет [17] либо к информации [18].

При этом практически никто из авторов не проводит границы между учетной записью и содержащимся в ней (либо связанным с ней) контентом. Так, многие авторы обосновывают имущественные права на аккаунт с точки зрения его ценности как совокупности находящегося в нем контента. Это же обоснование используется в качестве аргумента для признания учетной записи базой данных. При этом предлагаются различные критерии для классификации учетных записей. Например, В.Н. Козлова предлагает их делить на (1) учетные записи в сервисах предоставления государственных и/или муниципальных услуг, личные кабинеты на маркетплейсах, иных торговых площадках и сервисах коммерческих и некоммерческих услуг и (2) личные профили и страницы в социальных сетях и мессенджерах. При этом она полагает, что первый тип аккаунтов носит личный, неимущественный характер, в то время как второй тип предполагает возможность их коммерческого использования и поэтому на них возникают имущественные права [11].

И.В. Щенников выделяет два вида учетных записей: (1) для общения в социальных сетях или стриминговых сервисах, (2) для поглощения виртуального контента в компьютерных играх, а также

⁵ Социальная сеть Facebook принадлежит транснациональной холдинговой компании Meta, деятельность которой решением суда признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

три категории аккаунтов по критерию оборотоспособности: (1) аккаунты, которые в силу своих признаков (количество подписчиков, популярности блогера, игрового инвентаря, размещения особых виртуальных объектов и др.) будут иметь самостоятельную коммерческую оценку (ценность); (2) аккаунты, не имеющие самостоятельной имущественной ценности (личный кабинет в интернет-магазине или рабочие учетные записи); (3) аккаунты, связанные с индивидуализацией личности человека (такие аккаунты могут содержать памятные фотографии, видеозаписи и др.) [14].

Однако, как представляется, предложенные авторами подходы к определению правовой природы и классификации учетных записей не учитывают их важную техническую особенность, связанную с тем, что аккаунт является своего рода «ключом», предоставляющим своему владельцу доступ к определенным сервисам. Например, в приведенных выше примерах использования термина в документах органов власти учетная запись предоставляет доступ к возможности взаимодействия с соответствующими органами и получения государственных услуг.

Определение правовой природы учетных записей в цифровых сервисах и возможности перехода на них прав по наследству

Таким образом, учетные записи сами по себе не являются ни имуществом, ни информацией, ни объектами интеллектуальной собственности. Это право доступа к определенному цифровому сервису в соответствии с условиями пользовательского соглашения, т. е. договора. Таким образом, взаимоотношения между пользователем и цифровым сервисом являются договорными по своей природе, что зафиксировано в самих пользовательских соглашениях и признано имеющейся судебной практикой. Соответственно, заполнение учетной записи равносильно акцепту условий пользовательского соглашения. При этом можно согласиться с выводами А.Ю. Мигачевой и К.А. Пченушай, что пользовательское соглашение представляет собой смешанный договор, сочетающий элементы лицензионного соглашения и договора услуг [13].

Исходя из этого, пользователь учетной записи приобретает имущественные права, которые в соответствии со ст. 1112 ГК РФ могут быть переданы по наследству, если они не являются неразрывно связанными с личностью наследодателя. Установить наличие этой связи можно по характеру предоставляемых пользователю услуг и пользовательского контента.

Действительно, доступ к учетной записи позволяет управлять своим профилем и получить доступ к пользовательскому контенту, который может быть разделен на три категории объектов: имущественные права (включая цифровые права), объек-

ты интеллектуальной собственности и прочая информация (которая, в свою очередь, может включать общедоступную информацию и конфиденциальную информацию).

Так, аккаунты на маркетплейсах (Ozon, Wildberries) и в цифровых сервисах, позволяющих приобретать книги («ЛитРес», «Яндекс Музыка», «Кинопоиск»), могут содержать как остатки денежных средств на счетах пользователя, так и объекты интеллектуальной собственности (книги, музыка, фильмы). Кроме того, пользователи подобных аккаунтов могут иметь права на приобретенные, но не доставленные товары. Наконец, некоторые учетные записи могут быть привязаны (предоставлять доступ) к криптокошелькам. Соответственно, пользователи такого рода учетных записей приобретают имущественные права, которые могут быть переданы по наследству.

Аналогичный подход следует использовать и в случаях, когда аккаунты в социальных сетях используются не в личных, а в коммерческих целях – для рекламы, продвижения и продажи товаров, работ и услуг, поскольку размещенный в них контент имеет коммерческую ценность.

Посты в социальных сетях и электронные письма содержат множество объектов, которые потенциально могут быть признаны объектами интеллектуальной собственности. Это могут быть авторские посты или блоги, стихи, музыка, произведения изобразительного искусства и фотографии. В случае же, если, к примеру, почта используется в качестве рабочей, в ней могут храниться объекты, подлежащие защите в качестве ноу-хау, и коммерческая информация. При этом как социальные сети, так и почтовые сервисы в своих пользовательских соглашениях признают интеллектуальные права на размещаемый контент за пользователями, хотя и включают условия о предоставлении им широкой лицензии на соответствующие объекты.

Исходя из содержания статьи 1112 ГК РФ, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности переходят к наследникам, которые имеют полное право потребовать предоставления им доступа к соответствующему контенту и возможности управления им (например, удаления страницы в социальной сети, доступа к содержанию электронной переписки, касающейся создания и распоряжения соответствующими объектами).

Однако практическая реализация прав наследников в отношении указанных объектов затруднена тем, что большая часть пользовательского контента не может быть признана интеллектуальной собственностью из-за несоответствия формальным критериям, прежде всего достаточного уровня оригинальности и отсутствия творческого характера (например, когда пользователь просто передает какую-то информацию).

При этом многие авторы, прежде всего зарубежные, настаивают на приоритете защиты «по-

смертной конфиденциальности» как реализации принципа автономии личности [2]. Сторонники данной точки зрения исходят из приоритетности интересов пользователя социальной сети (даже покойного) перед интересами любых третьих лиц, будь то друзья или родственники.

Социальные сервисы, как иностранные, так и российские, такие как Facebook, Twitter, TikTok, Google, Yandex, почта Microsoft, почта Yahoo, почта Apple, WhatsApp, VK, Telegram, «Одноклассники», «Яндекс Почта» и др., придерживаются именно этой точки зрения, закрепив ее в пользовательских (или лицензионных) соглашениях. В соответствии с этими соглашениями аккаунты являются собственностью этих компаний, а пользователям предоставлено только право доступа к ним. Это право запрещено передавать третьим лицам. Например, пунктом 6.3.13 Правил пользования сайтом «ВКонтакте» пользователю запрещается «воспроизводить, дублировать, копировать, продавать, осуществлять торговые операции и перепродавать доступ к использованию Сайта, в том числе его неактивированных данных и команд, для каких-либо целей, за исключением случаев, когда такие действия были прямо разрешены Пользователю в соответствии с условиями настоящих Правил или отдельного соглашения с Администрацией». Предметом лицензионного соглашения социальной сети «Одноклассники» является предоставленное «Лицензиату на условиях простой неисключительной лицензии право использования Социальной сети, включая права использования активированных и неактивированных данных и команд, в пределах, определенных настоящим Соглашением» (п. 3.1 Соглашения); при этом лицензиату запрещено «передавать предоставленные Лицензиату права использования Социальной сети, другим Лицензиатам или третьим лицам посредством заключения сублицензионного договора или иным способом» (п. 4.2.4 соглашения).

При этом сформированная американскими цифровыми компаниями практика, основанная на описанной выше особенности системы общего права, которая исключает возможность наследования договорных прав, предполагает, что после смерти пользователя отношения между ним и соответствующим цифровым сервисом прекращаются. Будущее же аккаунта зависит от политики сервиса. Так, большинство из них предусматривает блокировку или удаление неактивного аккаунта (например, в Twitter, TikTok, Google, почты Yandex, Microsoft, Yahoo, Apple). Соответственно, наследники могут только потребовать досрочного удаления аккаунта. Политика запрещенных в настоящее время в России социальных сетей Facebook и Instagram, напротив, направлена на сохранение контента. Поэтому в пользовательских соглашениях прописана столь широкая лицензия на использование этими социальными сетями пользовательского контента, что пользователь фактически лишен возможности са-

мостоятельно удалить свой аккаунт, и даже после удаления как учетной записи, так и отдельного контента нет гарантии, что этот контент не сохранился в архивах социальных сетей. После смерти пользователя его страница становится «памятной». В этом случае все опубликованные записи будут доступны пользователям с прежними настройками приватности, а сам аккаунт перестанет отображаться в разделе «Вы можете их знать» или напоминаниях о днях рождения, а также дополнится специальной плашкой «Вспоминаем о...».

При этом Facebook отказывается передавать ключи доступа к учетной записи родственникам и наследникам покойного, что стало поводом для упоминавшихся выше судебных разбирательств. Вместе с тем с недавнего времени эта социальная сеть стала предоставлять возможность выбора «доверенного управляющего» – кого-то из списка друзей – «уполномоченным лицом» на случай своей смерти. Этому «доверенному управляющему» будут предоставлены ограниченные права управления учетной записью покойного с единственной целью – увековечения его памяти. Так, управляющий может опубликовать прощальный пост или информацию о похоронах на странице умершего, он может отвечать на новые запросы о добавлении в друзья и менять фото профиля и обложку. При этом он не приобретает доступ к переписке, удалению контактов и редактированию старых записей.

Google также создал сервис на случай длительной неактивности учетной записи. Пользователю предлагается назначить доверенное лицо, которое сможет скачать данные аккаунта до того, как тот будет окончательно удален.

Следует подчеркнуть, что уполномоченное пользователем лицо и в Facebook, и в Google – это кто-то из его друзей или контактов. Учитывая упоминавшиеся выше особенности общения в цифровом пространстве, такими доверенными лицами чаще всего окажутся не родственники или наследники покойного из реального мира, что поднимает вопрос о том, кто имеет приоритетные права на пользовательский контент и управление аккаунтом: доверенное лицо или реальный наследник? И можно ли рассматривать использование подобных услуг, предоставляемых цифровым сервисом, в качестве завещаний? Представляется, что нет, поскольку в обоих приведенных примерах к доверенному лицу переходят только ограниченные полномочия в отношении «увековечения памяти», но не права на саму учетную запись или содержащийся в ней контент. Соответственно, данный институт ближе к назначению душеприказчика (исполнителя завещания) в соответствии со ст. 1134 ГК РФ.

Хотя данный тип пользовательского контента имеет наибольшую связь с личностью покойного, представляется, что связь эта заключается в возможности формирования и потребления контента, установления дружеских отношений и общения,

т. е. процесса пользования аккаунтом. При этом та часть контента, которая была опубликована самим пользователем для общего доступа, не может быть ограничена в использовании, следовательно, доступ к ней не может быть ограничен для родственников и/или наследников покойного. Что касается остальной (приватной) части контента, то здесь, как представляется, было бы верным использовать подход Верховного суда Германии, приравнявшего его к личным письмам и мемуарам, в отношении которых родственники имеют законный нематериальный интерес. При этом наследование самой учетной записи, как и предоставление к ней неограниченного доступа, предполагающего возможность дальнейшего ее использования, невозможны.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить четыре типа учетных записей:

1. Учетные записи, предоставляющие доступ к государственным и иным подобным персонализированным сервисам, связанным с предоставлением услуг, но не порождающим имущественных прав, которые могут передаваться по наследству;

2. Учетные записи в цифровых сервисах, позволяющих пользователям приобретать имущественные права (маркетплейсы, сервисы, предоставляющие лицензию на результаты интеллектуальной деятельности: онлайн-кинотеатры, сервисы потоковой музыки и электронные библиотеки, крипто-кошельки и т. п.);

3. Учетные записи в цифровых сервисах, предназначенных для общения, обмена и совместного создания пользовательского контента (социальных сетях, мессенджерах, электронной почте). Данный тип учетных записей в зависимости от цели использования может делиться на два подтипа:

- а) частные аккаунты;
- б) бизнес-аккаунты;

4. Учетные записи на платформах, объединяющих несколько цифровых сервисов. Особенностью данного типа аккаунтов является то, что один аккаунт позволяет получать доступ к различным цифровым сервисам, относящимся к типам 1–3.

Выводы

Подводя итог, прежде всего следует согласиться с мнением большинства экспертов, подчеркивающих необходимость законодательного регулирования правового статуса учетных записей (аккаунтов) на различных цифровых платформах и сервисах, а также возможности и условий распоряжения правами на них.

Далее, важно подчеркнуть необходимость разграничения учетной записи (аккаунта) как инструмента доступа к разнообразным цифровым сервисам и непосредственно пользовательского контента. Соответственно, представляется, что правовая природа аккаунта является договорной, поскольку

пользователь, создавая учетную запись и представляя требуемые данные, фактически совершает акцепт условий пользовательского соглашения с соответствующей платформой (будь то портал государственных услуг, маркетплейс, почтовый сервис или социальная сеть). Имущественные права пользователя из соответствующего договора (услуг и/или лицензионного) могут быть как неразрывно связаны с его личностью, так и нет. Например, покупки, совершенные на маркетплейсе, аудио- и видеоконтент, приобретенный в соответствующих приложениях, бонусы, полученные в рамках программ лояльности и т. д.: имущественные права на все эти объекты могут передаваться по наследству, а следовательно, имущественные права на учетные записи в данной категории цифровых сервисов подлежат передаче наследникам. Соответственно, в случае правопреемства таких аккаунтов необоснованным является утверждение о недопустимости разглашения персональных данных, указанных пользователем при заполнении своей учетной записи, наследникам, поскольку они становятся правопреемниками по данному договору (п. 5 ст. 6 Федерального закона от 27.07.06 № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Напротив, учетные записи в государственных информационных системах неразрывно связаны с личностью пользователя, поскольку государственные услуги предоставляются непосредственно данному гражданину и наследники, как правило, не получают в порядке правопреемства имущественных прав требования к государству. Следовательно, имущественные права на данную категорию аккаунтов не подлежат передаче по наследству.

Наконец, ситуация с мессенджерами, почтовыми сервисами и социальными сетями является наиболее сложной в силу многообразия пользовательского контента, связанного с конкретным аккаунтом, а также учитывая практику использования аккаунтов в социальных сетях как для удовлетворения личных потребностей в общении, так и для осуществления коммерческой деятельности. Это подразумевает необходимость разделения данной категории аккаунтов на две подкатегории: частные аккаунты, используемые пользователями для получения доступа к нематериальным благам (общение, самореализация и т. п.), и коммерческие аккаунты, используемые с целью извлечения прибыли и в силу этого имеющие ценность. Соответственно, первые следует рассматривать как неразрывно связанные с личностью пользователя, в то время как вторые могут входить в состав активов владельцев соответствующего бизнеса, а следовательно, отчуждаться вместе с прочим имуществом и имущественными правами.

Однако данный подход имеет и свои минусы, поскольку, во-первых, на практике не всегда можно четко провести разграничение между указанными двумя типами аккаунтов (например, если блогер использует свою учетную запись как для общения с

подписчиками, так и для коммерциализации своего творчества). Соответственно, во-вторых, требуется детальная нормативная проработка, что может привести к чрезмерному усложнению правового регулирования. Наконец, в-третьих, как было отмечено выше, платформы, зарегистрированные в иностранных юрисдикциях, в своих пользовательских соглашениях указывают в качестве применимого права соответствующих государств, а значит, введение подобной систематизации требует гармонизации законодательства не только на национальном, а на международном уровне, что в современных условиях представляется маловероятным.

Вместе с тем не следует забывать, что, как было отмечено выше, ограничения на переход имущественных прав к наследникам могут быть установлены самим договором. Таким образом, применительно к данной категории учетных записей (в почтовых сервисах, мессенджерах и социальных сетях) подходом, в современных условиях оптимальным (до тех пор, пока не будет разработано надлежащее законодательное регулирование) и соответствующим требованиям действующего законодательства, является единообразная практика, выработанная самими платформами, которые включают в свои пользовательские соглашения условие о неотчуждаемости аккаунтов⁶.

Наконец, пользовательские аккаунты на платформах, предоставляющие доступ к различным сервисам и приложениям, представляют собой смешение обоих типов имущественных прав, в зависимости от предоставляемого сервиса. Поэтому, как представляется, наследование данного типа акка-

унтов невозможно, однако возможно наследование остатка на счете и права доступа к отдельным сервисам (например, средств на счете в «Яндекс Банке», доступа к «Яндекс Музыке» и «Кинопоиску», в то время как доступ к службе заказа такси и быстрой доставки должен быть запрещен, поскольку данные сервисы предоставляют доступ к персональным данным пользователя при отсутствии у него в отношении этих сервисов имущественных прав, которые могли бы быть переданы по наследству).

При этом, как было показано выше, следует проводить различие между непосредственно учетной записью и пользовательским контентом, доступ к которому эта запись предоставляет. В случае если пользовательский контент содержит имущественные права, которые подлежат включению в наследственную массу (например, объекты интеллектуальной собственности), объекты, представляющие законный нематериальный интерес для родственников (письма, мемуары), коммерчески ценную информацию, либо информацию, необходимую для защиты чести и достоинства покойного, выяснения причин его гибели и т. п., как представляется, соответствующие платформы обязаны предоставлять родственникам и/или наследникам доступ к такому контенту.

Вместе с тем для защиты прав пользователей цифровых сервисов и их наследников требуется внесение изменений в законодательство по аналогии с правом ЕС, которое четко определяет, что в случаях споров о наследстве применимым является законодательство места жительства покойного [12].

Литература

1. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Особенности правового обеспечения наследования аккаунта, размещенного в социальных сетях / Под редакцией И.Р. Бегишева и др. // Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право». В 6 т. Т. 2. Казань, 2022. С. 418–427.
2. Harbinja E. Digital Death, Digital Assets and Post-Mortem Privacy. Edinburgh University Press, 2023. 266 pp.
3. Богуславский Д.С., Смирнова И.В. «Право на забвение» в сети «Интернет» после смерти гражданина: зарубежные подходы и возможность реализации в России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 35–42.
4. Костина О.В., Черненко А.И., Омарова Л.А. Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 53–56.
5. Татаркина К.П. Договор об использовании учетной записи пользователя в социальной сети переходит по наследству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 15–36.
6. Де Роза Р.Е. Что произойдет с моим «цифровым наследием», если я умру? Часть 2 // Право и цифровая экономика. 2022. № 2 (16). С. 16–26. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.016-026 .
7. Шихамиров И.С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6-2. С. 72–89.
8. Матчина Е.М. Виды цифрового имущества как новые объекты гражданских правоотношений // Сборник трудов конференции «Бизнес, менеджмент и право: digital reality». 2021. С. 373–379.
9. Мефодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2019 г. 28 С. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e90/e90d49ab5e6c5bf5eda9f3efeee007af.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (абз. 3 п. 14), переход прав наследодателя по договору к наследникам может быть ограничен не только законом, но и договором.

10. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
11. Козлова В.Н. Договорное оформление распоряжения правами на аккаунт // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 55–57. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_55 .
12. Де Роза Р.Е. Что произойдет с моим «цифровым наследием», если я умру? Часть 1 // Право и цифровая экономика. 2022. № 1 (15). С. 30–40. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.030-040 .
13. Мигачева А.Ю., Пченушай К.А. Интернет-аккаунт как объект наследственного правопреемства // Государство и право в цифровую эпоху. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г. СПб., 2022. С. 134–143. DOI: 10.47645/9785604755143_134 .
14. Щенников И. В. Правовые вопросы регулирования виртуального наследства в российском и зарубежном праве / Отв. редакторы Н.П. Аслаян, Ю.В. Виниченко // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы X Ежегодной международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 197–206.
15. Савкина А.С. Правовой анализ проблемы наследования аккаунтов в социальных сетях / Под редакцией О.А. Флягиной. // Сборник статей. М. : РГАИС, 2021. С. 38–51.
16. Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 128–134. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134 .
17. Рязанов Е.Е. Учетные записи как вид цифровых активов: тенденции гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. 2020. С. 83–87.
18. Гапанович А.В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.

PUBLIC LAW SCIENCES (DIGITAL LAW)

INHERITING THE ‘INFORMATION BODY’: LEGAL REGULATION PROBLEMS

Svetlana Kodaneva⁷

Keywords: *inheritance law, user account, user agreement, personal data, user content, social networks, digital services, electronic mail, property rights.*

Abstract

Purpose of the paper: determining the legal nature of accounts and user content in digital services, establishing the possibility of inheriting them as well as determining the rights of relatives to access the account of the deceased.

Methods of study: general scientific and special methods of cognition as well as methods of logical analysis, analysis of laws, scientific and business literature, comparative analysis, systematisation, generalisation, and systemic approach were used to achieve the goals set in the work.

Study findings: the analysis carried out made it is possible to conclude that it is necessary to discriminate between the rights to digital services accounts and to user content. For the user, property rights to the account derived from the user agreement arise. Property rights to accounts allowing to acquire rights to the results of intellectual activity and property, granting digital rights, and used for commercial activities, are not directly related to the user’s identity, therefore they can be bequeathed. Rights to other types of accounts are inseparably attached to the user’s identity, for which reason they cannot be bequeathed. At the same time, relatives may have a legitimate non-material interest in user content which gives them the right to access such content.

Research novelty: based on the analysis carried out, the author puts forward her own classification of accounts depending on the services and user content to which the account provides access. A need for modifications to the laws of the Russian Federation is also pointed out.

References

1. Kirillova E.A., Zul’fugarzade T.E. Osobennosti pravovogo obespecheniia nasledovaniia akkaunta, razmeshchennogo v sotsial’nykh setiakh. Pod redaktsiei I.R. Begisheva i dr. Sbornik nauchnykh trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Tsifrovye tekhnologii i pravo”, v 6 t., t. 2. Kazan’, 2022, pp. 418–427.

⁷ Svetlana Kodaneva, Ph.D. (Law), Leading Researcher at the Department of Legal Studies of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Gubkin National Research University of Oil and Gas, ORCID: 0000-0002-8232-9533, Moscow, Russian Federation. E-mail: kodanevas@gmail.com

2. Harbinja E. Digital Death, Digital Assets and Post-Mortem Privacy. Edinburgh University Press, 2023. 266 pr.
3. Boguslavskii D.S., Smirnova I.V. "Pravo na zabvenie" v seti "Internet" posle smerti grazhdanina: zarubezhnye podkhody i vozmozhnost' realizatsii v Rossii. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, 2019, No. 24, pp. 35–42.
4. Kostina O.V., Chernenko A.I., Omarova L.A. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setiakh kak sredstvo obespecheniia balansa interesov grazhdan i predprinimatelei. Iuridicheskaya nauka, 2022, No. 6, pp. 53–56.
5. Tatarkina K.P. Dogovor ob ispol'zovanii uchetnoi zapisi pol'zovatelya v sotsial'noi seti perekhodit po nasledstvu. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii, 2019, No. 2, pp. 15–36.
6. De Roza R.E. Chto proizoidet s moim "tsifrovym naslediem", esli ia umru? Chast' 2. Pravo i tsifrovaia ekonomika, 2022, No. 2 (16), pp. 16–26. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.016-026 .
7. Shikhamirov I.S. Internet-akkaunt kak ob'ekt grazhdanskikh prav: praktika obrashcheniia i perspektivy ispol'zovaniia kategorii "akkaunt", "uchetnaia zapis". Tsifrovaia nauka, 2021, No. 6-2, pp. 72–89.
8. Matchina E.M. Vidy tsifrovogo imushchestva kak novye ob'ekty grazhdanskikh pravootnoshenii. Sbornik trudov konferentsii "Biznes, menezhment i pravo: digital reality", 2021, pp. 373–379.
9. Mefodeva K.A. Tsifrovye dannye kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniia v Germanii, SShA i Rossii : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk, 2019 g. 28 pp. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/e90/e90d49ab5e6c5bf5eda9f3efeee007af.pdf> (data obrashcheniia: 07.03.2023).
10. Sannikova L.V., Kharitonova Iu.S. Pravovaia sushchnost' novykh tsifrovyykh aktivov. Zakon, 2018, No. 9, pp. 86–95.
11. Kozlova V.N. Dogovornoe oformlenie rasporyazheniia pravami na akkaunt. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika, 2022, No. 10 (214), pp. 55–57. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_10_55 .
12. De Roza R.E. Chto proizoidet s moim "tsifrovym naslediem", esli ia umru? Chast' 1. Pravo i tsifrovaia ekonomika, 2022, No. 1 (15), pp. 30–40. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.030-040 .
13. Migacheva A.Iu., Pchenushai K.A. Internet-akkaunt kak ob'ekt nasledstvennogo pravopreemstva. Gosudarstvo i pravo v tsifrovuiu epokhu. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 27 apreliia 2022 g. SPb., 2022, pp. 134–143. DOI: 10.47645/9785604755143_134 .
14. Shchennikov I. V. Pravovye voprosy regulirovaniia virtual'nogo nasledstva v rossiiskom i zarubezhnom prave. Otv. redaktory N.P. Aslanian, Iu.V. Vinichenko. Zashchita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy X Ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, sostoiavsheisia v ramkakh II Baikalskogo iuridicheskogo foruma. Irkutsk, 2021, pp. 197–206.
15. Savkina A.S. Pravovoi analiz problemy nasledovaniia akkauntov v sotsial'nykh setiakh. Pod redaktsiei O.A. Fliaginoi. Sbornik statei. M. : RGAIS, 2021, pp. 38–51.
16. Grin' E.S. Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setiakh: rossiiskii i zarubezhnyi opyt. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2022, No. 2 (135), pp. 128–134. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134 .
17. Riazanov E.E. Uchetnye zapisi kak vid tsifrovyykh aktivov: tendentsii grazhdansko-pravovogo regulirovaniia. Aktual'nye problemy sovremennoego zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2020, pp. 83–87.
18. Gapanovich A.V. K voprosu o nasledovanii virtual'nogo imushchestva v sotsial'nykh setiakh. Nasledstvennoe pravo, 2020, No. 2, pp. 40–43.

